

STARCRRAFT®

LEGACY OF THE VOID™

BILZARD
ENTERTAINMENT

ДЖИМ РЕЙНОР: ШЕРИФ КОНФЕДЕРАЦИИ

Гиблый перевал

Джеймс Во

В секторе Копрулу было мало мест, которые Джим Рейнор ненавидел бы больше, чем Гиблый перевал. Однако по долгу службы ему, шерифу Конфедерации, приходилось там бывать, и не раз. Вот и сейчас Рейнор снова направлялся в это пустынное ущелье в самом центре бесплодных земель Мар-Сары — в самую гнусную богом забытую дыру во Вселенной.

Ветер нещадно болтал «Стервятник» Рейнора из стороны в сторону, но тот, не обращая на это внимания, несся по ущелью, выжимая из байка максимум скорости. Лидди, его жена, ждала ребенка, ей нельзя было волноваться — и Рейнор обещал обернуться в два дня. Воздух в ущелье был сухим, жарким и едким. Земля растрескалась под палящими лучами солнца; казалось, с тех пор как на нее последний раз проливался дождь, прошла целая вечность. Рейнор подумал, что человечеству просто не судьба научиться выживать в таких условиях, — но люди все равно не оставляли попыток.

Вдали показались расплывчатые контуры шерифа Гленна Макэйрона, полицейского фургона и средних размеров тюремной камеры конфедеративной сборки, за которым

сюда и ехал Рейнор. Их очертания колебались в жарком воздухе пустыни, словно мираж — только такой мираж вряд ли стал бы усладой для глаз уставшего путника.

— Чтоб вы провалились, — пробормотал Рейнор, приближаясь к «миражу», который на глазах обретал четкость. В голове у него внезапно ясно возник образ Лидди, целовавшей его на прощанье. Гиблый перевал находился в самом центре известной на всю Мар-Сару «волновой аномалии». В этой области гироскопическое оборудование часто отказывало, а радиосвязь из-за сильных помех была возможна только на малых расстояниях.

Транспортные корабли сюда почти никогда не заглядывали. Снаряжать их было дорого, да к тому же еще и небезопасно. Из-за аномалии участок земли протяженностью почти в две с половиной тысячи километров стал самой неконтролируемой территорией на планете; быть может, и во всей галактике. Но разномастным бандитам и прочему отребью с Мар-Сары это было как раз на руку. Большинство ученых Конфедерации сходилось во мнении, что волновые аномалии в этом регионе вызваны электронным излучением кристаллов, выходявших на поверхность в местах подземных залежей обогащенных минералов. Причина этого явления Рейнора волновала мало, а результатом стало то, что он вынужден был тащиться в самый опасный участок сектора на встречу с шерифом, которого, мягко говоря, недолюбливал, и затем перевезти через всю планету группу заключенных.

— Приехал забрать их или составить им компанию, Рейнор? — Макэйрон осклабил в беззубой ухмылке, приветствуя Рейнора, остановившего рядом с ним свой «Стервятник». Улыбался шериф часто — но никогда не шутил.

— Ну, если ты меня не доведешь до ручки и я тебя не пристрелю — то забрать. — Рейнор сплюнул на пыльную землю. Макэйрон с годами раздобрел. Над ремнем нависал внушительных размеров живот, и Рейнор подумал, что в прошлый раз шериф выглядел лучше. Впрочем, у шерифа и не было особого стимула держать себя в форме. Он был уже в годах и совсем скоро собирался на пенсию.

— Уж ты-то от тюрьмы не зарекайся, сынок. За тобой столько дел числится, что эти ребята по сравнению с тобой — невинные овечки. Кабы не твои друзья, в Эль Индио сегодня ехал бы и ты.

— Да ладно тебе, шериф. Ты что же, не веришь, что человек может исправиться? — Джим одарил Макэйрона своей самой ослепительной улыбкой и слез с байка. Макэйрон носил звезду шерифа уже много лет и о прошлом Джима был наслышан. Он относился к разряду тех закоренелых упрямцев, которых нипочем не переубедить, если уж они что-то вбили себе в голову. И его неприязненное отношение к бывшему преступнику было чисто профессиональным; ничего личного.

— Люди не меняются, Рейнор. Послужишь с мое — убедишься в этом сам. Потому-то я за тобой и приглядываю.

— Спасибо за заботу, шериф. — Рейнор помолчал немного и продолжил: — Как там наши ребятки?

Он присел на корточки и заглянул в тюремный блок. Такие камеры представляли собой зарешеченные кубы и очень активно использовались в пограничных колониях и на дальних планетах, куда было невыгодно посылать полицейские корабли. Блоки оснащались воздушной подушкой, позволявшей транспортировать их на скорости до 480 километров в час, системой контроля температуры, системой жизнеобеспечения заключенных и вентиляционным модулем, раз в полчаса обогащавшим воздух в блоке чистым кислородом. Джиму на мгновение показалось, что заключенные находятся в куда лучших условиях, чем он сам.

— А что наши ребята? Вот собираются в самый комфортабельный отель на Мар-Саре — полагаю, надолго. — Шериф внезапно громко гаркнул. — Слышите, парни? Сейчас поедете в тюрьму Эль Индио! — Он захохотал так, что даже закашлялся. Но это был не веселый, а злой и жестокий смех.

Джим промолчал. Тюрьма Эль Индио слыла совершенно жутким местом. Условия содержания там были кошмарные, и отправляли туда только самых закоренелых рецидивистов. Больше трети заключенных в Эль Индио умирали, так и не отсидев своего срока. Правосудие в Конфедерации было жестким.

— Вот, взгляни на этих красавцев, — сказал шериф, презрительно сплевывая. — И на эту мразь тратятся деньги законопослушных налогоплательщиков. Каково? Ну ничего. Есть еще шанс, что вы не доедете до тюрьмы, а сдохнете по дороге.

— Ну так, может, поедем — или так и будем тут разговоры разговаривать? — подал голос один из сидящих в блоке — здоровенный лысый амбал с черными усами и ручищами толщиной с телеграфный столб. Все его тело было в наколках самых разных банд сектора. Он презрительно смотрел даже не на Рейнора, а скорее сквозь него, всем своим видом давая понять, что никто и ничто не сломит его — и уж точно не этот несчастный шериф, маленький винтик в огромной машине, которая вот-вот отправит его навстречу неизбежности.

— С этим держи ухо востро. Мамаша, видать, так и не научила его хорошим манерам. Знакомьтесь — Мардук Сол, ублюдок просто редкостный. Сидит за разбой, убийство, терроризм, похищение людей, ну и так, по мелочи. — Макэйрон снова плюнул, и если бы не прут решетки, плевков попал бы Мардуку аккурат в глаз.

— Счастье твое, что я тут за решеткой, шериф, — прохрипел Мардук.

— Вот уж это точно.

Рейнор посмотрел Мардуку прямо в глаза. Тот уставился на него, словно подначивая, пытаясь вывести из себя.

— Да ладно тебе, шериф. Нормальный парень. Можно сказать, тихоня. Правда, Сол? Веди себя хорошо — и с тобой обойдутся хорошо. Все просто.

Мардук от души рассмеялся.

— Я буду сущим ангелочком, шериф. Это я так, не со зла. Просто жду не дождусь, когда приеду в свой новый шикарный люкс.

— Шериф, умоляю, не отправляйте меня в Эль Индио. Это просто недоразумение и не более того. — Из глубины блока к решетке вышел тощий светловолосый заключенный с тонкими интеллигентными чертами лица. Оранжевая роба была ему явно велика. В арестантской одежде, посреди этой пылающей жаром пустыни он выглядел совершенно нелепо. Куда легче было представить его банковским клерком где-нибудь на Тарсонисе.

— А это Родни Осин. Никого не убивал и не грабил. *Белый воротничок*, так сказать... Знаешь, чем занимался? Писал вирусы, запускал их в правительственную сеть Мар-Сары и выкачивал оттуда бабки. Красавчик, правда? Бьюсь об заклад, он в Эль Индио и дня не протянет. — Макэйрон снова злобно захохотал.

— Привет, Родни, — улыбнулся ему Рейнор. — Не бойся, все будет хорошо.

— Вам легко говорить, сэр. А то вы не знаете, что это за место и что там делают с заключенными. Я же не бандит и не убийца. Это просто недоразумение. Судья имел на меня зуб, вот меня и укатали. Я там не выживу.

— Пошел на дело — будь готов отсидеть. Верно я говорю, Рейнор? Ах, да, извини, ты же ведь у нас так и не сел.

— А я про тебя слыхал, шериф Джим Рейнор, — к решетке вышел третий заключенный.

— Смоллс Костлявый. Самый известный грабитель поездов по эту сторону Шайло. У вас много общего, ребята, — ухмыльнулся Макэйрон.

— Это точно. Кажется, титул я унаследовал именно от тебя? — продолжил Костлявый. Рейнор внимательно оглядел его. Что-то в нем было знакомое: он носил бороду, как и Джим; на лице шрам. Молодой, самоуверенный. — Я знаю про все дела, которые вы с Тайкусом Финдли провернули после войны. Когда наша банда только набирала силу, вы для нас были настоящими кумирами.

У Джима неприятно засосало под ложечкой. Имени Тайкуса он не слышал уже много лет. И лучше было бы забыть его насовсем. Он начал новую жизнь, и ему не хотелось слышать о старом подельнике; о той жизни, которую он все же нашел в себе силы оставить, чтобы со временем искупить старые грехи. О жизни, вырваться из которой ему помогла Лидди...

— Я вот только одного не могу понять. Может, объяснишь, как так вышло, что преступника вроде тебя, на кого равнялись такие, как мы, в итоге оправдали перед законом и даже сделали шерифом? — Костлявый наклонился к решетке. Джим буквально нутром ощутил на себе взгляд Мардука. Он понял, что убийца изучает его.

— А все просто, ребята. У нашего шерифа влиятельные друзья, — Макэйрон подмигнул Джиму. — В суде, например.

— Хватит бред нести, Макэйрон, — Рейнор поднялся на ноги.

— Я за свою жизнь никого не убил, шериф. Просто не хотел горбатиться на дядю за гроши, вот и все, — продолжал Костлявый. — Так что же, по-твоему, это справедливо, что тебе удача улыбнулась, а мне такого не видать?

— А жизнь вообще несправедлива. И шериф — очередное тому подтверждение, — холодно ответил Мардук. — Ну так что, может, поедем уже?

Рейнор пристально посмотрел Макэйрону прямо в глаза.

— Еще раз выкинешь что-нибудь подобное, шериф, я с тобой потолкую по-другому.

Понял?

Макэйрон притих. Ухмылка мигом исчезла с его лица. Он понял, что переступил черту и лучше Рейнора лишний раз не провоцировать — не ровен час в теперешнем шерифе проснется бывший преступник, а от него можно ожидать что угодно. Глаза Рейнора по-прежнему горели недобрым огнем. Макэйрон почел за благо разрядить обстановку и достал из кармана штанов электронный браслет.

— Новую игрушку прислали из центра. Управляет ножными браслетами заключенных. Вот эту кнопку нажимаешь — бац! — ноги как не бывало. Нажимаешь вот эту — и ублюдок валится на землю и корчится от боли. Запомнил?

Рейнор взял браслет и взглянул на заключенных. У каждого из них на лодыжке был закреплен широкий металлический обруч.

Макэйрон тем временем продолжил инструктаж.

— Выпускать их на прогулку не рекомендую. Воды в блоке достаточно, кормить их не надо — каждому вшили имплант с питательным раствором. Должно хватить еще на два дня. Нужду они за это время справлять не будут — имплант блокирует все позывы.

Бывали случаи, когда заключенные пытались бежать или даже нападали на сопровождающих, так что лучше перестраховаться.

— Разберусь. Не впервой. — Говорить больше было не о чем. Джим взялся за длинный металлический трос тюремного блока и стал подцеплять его к своему «Стервятнику».

Такие тросы позволяли намертво прикрепить транспортируемый блок к буксиру.

Изготавливали их из каких-то хитрых композитных материалов, по прочности и твердости значительно превосходивших алмаз.

— Ну, до встречи, шериф. Держитесь крепче, ребята. Дорога ухабистая — будет трясти. — Не дожидаясь ответа, Рейнор до упора вдавил педаль газа и понесся вперед по бесплодной пустоши.

Джим никак не мог собраться с мыслями. В его голове вихрем мелькали картины из прошлого; воспоминания о былых днях, когда они с Тайкусом Финдли были известными бандитами и жили каждый день как последний — грабили и тут же все проматывали. Это

было время, когда они напивались до беспамятства, совершенно не задумываясь о завтрашнем дне и следуя лишь сиюминутным порывам. Такая жизнь чуть было не свела Джима в могилу до срока; хуже того, она почти убила в нем веру в то, что его жизнь вообще имела какой-то смысл. Он даже не ожидал, что эти мысли начнут тревожить его снова — особенно теперь, когда он ждал появления на свет своего первенца и думал о том, каким будет его будущее, втайне надеясь, что тот проживет куда более счастливую жизнь, чем он сам. И вот теперь, несясь по каньону на скорости 320 километров в час, он размышлял, не узнает ли когда-нибудь его сын о его прошлом, которое поднялось из небытия и тревожило его думы. А если узнает, что он тогда скажет? И как ему объяснять сыну, что такое хорошо и что такое плохо, если он сам в свое время причинил другим столько зла?

Соберись, Джим. Еще не хватало вляпаться в какую-нибудь историю. Гиблый перевал служил пристанищем множеству бандитов, и нарваться на них было вполне реально. Грабители, пираты и головорезы всех мастей, для которых чужая жизнь не значила вообще ничего, могли выскочить откуда угодно. Все они были хладнокровными убийцами. И Джим вовсе не хотел наткнуться на их компанию, особенно по глупости и из-за невнимательности. В конце концов, самокопанием он может заняться и потом. Он не допустит, чтобы из-за его слабости Лидди осталась одна с новорожденным на руках. Господи, как же он ненавидел Макэйрона...

День постепенно клонился к закату, и пустынный пейзаж расцвел настоящим буйством красок. В этот час пустыня словно преображалась. На ярко-синем небе пламенели

красные клочки облаков. Пески под лучами закатного солнца переливались причудливыми оттенками оранжевого, а когда стемнело, они превратились в бескрайний черный океан, над которым простерлось разноцветное небо. Ночь вступила в свои права, и изнуряющий дневной зной быстро сменился прохладой, а затем и вовсе пронизывающим до костей холодом.

Фары «Стервятника» светили не слишком далеко, а вокруг темень была — хоть глаз выколи. Рейнор убавил газ и стал подыскивать подходящее место для привала. Две трети пути он уже одолел. Осталась треть. Восемьсот километров.

— А чего мы встали? — недовольно поинтересовался Родни, когда Рейнор подошел к багажнику байка. — Нам нельзя останавливаться... Шериф, вы же сами знаете, что здесь очень опасно.

— Помолчи, — оборвал его Костлявый. — Шериф, ты же только отлить остановился, да? Скоро поедем дальше?

— Нет. Ну, то есть и это тоже, но пока мы дальше не едем. Сделаем привал.

— Привал?! — голос Родни чуть было не сорвался на визг.

— Я ни хрена не вижу. В такой темноте я не поеду по каньону по приборам. В это время года аномалии проявляются особенно сильно. Вы же ведь хотите добраться до места целыми, а не по частям?

— Разумеется, хотим, шериф. Вот я и спрашиваю — чего мы встали-то? — Смоллс почти вплотную подошел к прутьям решетки.

— А чего вы так испугались-то? — поинтересовался Рейнор, раскладывая на земле палатку. Он включил налобный инфракрасный фонарь, и его лицо озарилось тусклым красным светом.

— Бандитов... и работорговцев. Вот их больше всего. Я лучше сдохну в тюрьге, чем меня продадут какому-нибудь уроду, — Родни был на грани нервного срыва.

— Здесь мы в безопасности. Вот если двинемся дальше — можем и вляпаться. Так что пока лучше не дергаться. Завтра на рассвете двинемся дальше.

— А что, тут и правда промышляют работорговцы? — подал голос Мардук.

— Угу. Банда Мажора, — ответил Смоллс. — Они тут уже около года орудуют. Хватают случайных путников и похищают ученых, которых сюда отправляют исследовать залежи минералов.

— Ненавижу работорговцев, — мрачно заявил Мардук.

— А вы с ними не сталкивались? — поинтересовался Родни у Рейнора.

— Нет. И не намерен.

Закончив ставить палатку, Рейнор подогрел пару сухих пайков и еще три отложил в сторону. Заключение буквально пожирало еду глазами через решетку.

— Многовато для одного, — с укоризной заметил Смоллс.

— Само собой. Я столько и не съем. К тому же мне надо быть в форме. Я просто подумал, что вы, наверное, захотите перекусить. Эти ваши капсулы позволяют разве что ноги не протянуть, а голод ими не утолишь. По себе знаю. Я же служил в армии. — Рейнор подошел к блоку, открыл отсек для передач и положил пайки на поднос. Тот с тихим жужжанием втянулся внутрь, и отсек закрылся. — Всем поровну — и смотрите, без фокусов, — Рейнор показал браслет, который дал ему Макэйрон. — Будете буянить — вам же хуже. На вас эти штуки не просто так красуются.

— А чего ты на меня-то уставился? — спросил Мардук.

— Потому что у тебя самый голодный вид, бычара.

Заключенные схватили свои пайки и жадно накинулись на еду, пальцами отламывая куски сушеного мяса, которому, наверное, был уже не один десяток лет. Рейнор для приличия вооружился вилкой. Он от такой еды уже давно отвык — Лидди была прекрасной хозяйкой и отлично готовила. Узники же ели с такой жадностью, словно получили самый настоящий деликатес.

— Ну что, шериф, расскажешь нам про свои похождения? — спросил Смоллс, когда с ужином было покончено.

— Он нас накормил, между прочим, — заметил Родни. — Оставь его в покое.

— Тебя спросить забыли, сопляк, — Смоллс молниеносно повернулся к Родни, и Рейнор предупреждающе поднял руку с браслетом.

— Не парься, шериф, — голос Мардука был спокоен, но не предвещал ничего хорошего.

— Если они испортят мне ужин, их тебе утихомиривать не придется.

— То есть утихомиривать придется только тебя?

— Типа того.

— Так что, рассказать вам, как я докатился до грабежей поездов? — спросил Рейнор. — Ладно, расскажу. Я был молодым идиотом без всякой надежды на счастливое будущее. Ненавидел систему, сделавшую моих родителей нищими, и разочаровался в войне, которая с самого начала была игрой. Сильные мира сего на Тарсонисе становились еще богаче, а такие, как я, получали свою дозу адреналина. В итоге погибали простые люди — ни за что, ни про что. Был ли я бунтовщиком и негодяем? Да, был. Горжусь ли я этим? Нет.

— А я вот ни в чем не раскаиваюсь. Уж лучше жить полной жизнью, чем горбатиться, как какой-нибудь несчастный шахтериска Конфедерации, и еле сводить концы с концами, —

со смехом ответил Костлявый. — Я лицемерить не собираюсь. Я просто напился и попался по глупости. Что поделаться, бывает. Тебе хочется думать, что ты не такой, шериф. Что тебе надоела такая жизнь или что ты просто лучше меня. Дело твое. Думать ты можешь все что хочешь. Но это не значит, что мы тебе поверим.

— Ну а ты что же? — спросил Рейнор, глядя на Родни. — Расскажешь, как здесь очутился?

— Я?.. Наверное, я просто не смог вовремя остановиться. В смысле... я не такой, как они... я просто пожадничал. А начав, уже не мог остановиться. Кредиты текли ко мне рекой. Когда меня взяли, я был просто в шоке.

— А ты не подумал о людях, чьи деньги ты украл? — поинтересовался Рейнор.

— А это ты нам скажи. Ты-то сам много думал о тех, кому причинял зло, Рейнор? Ты сидишь по ту сторону этой решетки только потому, что у тебя оказался дружок на высоком посту. Вся эта система насквозь порочна. Это она порождает плохих людей вроде меня, — Мардук отошел от решетки и добавил — и везунчиков, которые не заслужили такого счастья — вроде тебя.

Воцарилось молчание. Помедлив немного, Рейнор развернулся, молча ушел в свою палатку, лег и тут же заснул.

Рейнора разбудили чьи-то пронзительные крики, и он сразу рванул из палатки.

Утренняя свежесть как рукой сняла с него сонливость. В тюремном блоке Мардук прижал Костлявого к решетке, которая, само собой, была под напряжением. Когда ты в лапах здоровенного бугая, это уже не сулит ничего хорошего, но если тебя при этом еще и бьет током — то и подавно.

— Да отпусти ты меня, горилла!

Рейнор среагировал моментально. Одно нажатие кнопки на электронном браслете — и стальная полоса на ноге Мардука засветилась и выстрелила в него импульсом. Те, кто испытывал это на себе, говорили, что ощущения при этом такие, будто у тебя рвут зуб без наркоза — только не в одном месте, а по всему телу. Здоровяк взвыл от боли и осел на пол. Смоллс уже навис над ним и занес кулак для удара.

— Даже не вздумай! — Рейнор по-прежнему держал руку на браслете.

— Да ладно, шериф. Один разочек всего, — Костлявый был в ярости; глаза его налились кровью.

— Перебьешься, — ответил Рейнор, не сводя с него глаз. Смоллс еще постоял немного, потом опустил руку и отошел. — Что вы тут без меня устроили?

— Да этот парень больно любит трепаться, а лучше бы молчал, — Мардук уже пришел в себя и выглядел вполне довольным. — Я его сильно бить и не хотел. Так, самую малость. Это ему только бы на пользу пошло.

— Давайте завязывайте с вашими разборками. Пора собираться, а то еще метрдотель начнет волноваться, куда запропастились его новые постояльцы.

Мардук послал Костлявому воздушный поцелуй. Даже в своем незавидном положении он сохранил присутствие духа. Костлявый улыбнулся ему в ответ. Хоть он и ненавидел сокамерника, но при этом уважал его. Да и потом на его месте он бы поступил точно так же. Родни же таким самообладанием похвастаться не мог.

— Сэр! — закричал он изо всех сил. — Шериф, вы же везете меня на смерть! Я этого не вынесу! Я не такой, как они! Я не хочу в Эль Индио!

Спустя полчаса они уже неслись по каньону. На смену утренней освежающей прохладе снова пришел палящий зной. Эта изнуряющая жара была просто нестерпимой. Казалось, сухой воздух проникает не только в легкие, а высасывает живительную влагу из каждой клеточки тела.

Теперь они мчались по каньону Правосудия, глубокому ущелью, со дна которого то тут, то там вздымались минеральные образования размером с крупные холмы. Рейнор решил не ехать по самому дну каньона — ему почему-то показалось, что на этих холмах будет

безопаснее. Добравшись до вершины одного из них, он вдруг увидел столб клубящегося дыма. Это было совсем близко — километров пятнадцать или около того. В безжизненной пустоши дыму самому по себе взяться было неоткуда. Джим остановил байк и достал бинокль.

При многократном увеличении он увидел все как на ладони. Там догорал брошенный транспорт; пламя уже угасало — видимо, все, что могло гореть, уже сгорело.

— Проклятье, — выругался про себя Рейнор. Определенно, только с его везением он мог вляпаться в очередную переделку, когда задание было уже практически выполнено, а дома его ждала любящая жена и вкусный ужин.

— Чего мы опять встали, шериф? — спросил Родни.

— В пятнадцати километрах от нас горит подбитый транспорт.

— И что с того? — встрял Костлявый.

— А то, что мы должны посмотреть, что там случилось.

— Шериф, не лез бы ты не в свое дело, — продолжал Костлявый. — Ты должен привезти нас сегодня в Эль Индио — так и вези.

— Правда, шериф, не надо! — уже практически умолял Родни.

— Заткнитесь. — Рейнор снова нажал на газ и рванул к догоравшему транспорту.

Черные облака густого дыма клубились над обгоревшим остовом машины. Изредка из него вырывались языки пламени, словно ища, чем бы еще утолить свой всепожирающий голод. Вокруг валялись искореженные обломки — очевидно, транспорт загорелся не сам по себе, а был подбит из ракетницы. Рейнор не раз видел такое на войне. И уж он-то хорошо знал, что после попадания ракеты в транспорт шансов выжить у тех, кто был внутри, практически нет. Как-то раз они решили взять инкассаторский броневик.

Пущенная Тайкусом ракета пробила в машине дыру и перевернула ее. Охранникам тогда удалось спастись лишь чудом. Будь они чуть медлительнее — сгорели бы заживо вместе со всеми кредитами, которые везли.

Рейнор остановил байк. Запах жженой резины и горелого пластика резко ударил в нос. Вокруг в беспорядке валялись тела, изуродованные взрывом. Песок, пропитавшийся кровью, теперь больше походил на липкую грязь. Судя по климат-костюмам, это были ученые. В районе Гиблого перевала многие корпорации вели научные исследования. Тамошние минералы были едва ли не самыми богатыми во всем секторе, привлекая ученых и шахтеров со всей Мар-Сары (и даже с Чау-Сары). Жажда наживы всегда брала верх над чувством опасности. Крупнейшие корпорации Тарсониса готовы были платить ученым огромные деньги за тот риск, которым они подвергались, изучая минералы этого региона. Им любой ценой нужно было добыть информацию, которая позволила бы разработать технологию синтеза этих минералов в произвольных условиях. Пока что общепризнанной теории, объяснявшей, почему именно в этом секторе встречаются столь

богатые минералы, не было. Корпорация, раньше других разгадавшая эту тайну, обрела бы несметные богатства и огромную власть.

Вдруг краем глаза Рейнор уловил какое-то движение справа. Его рука сама собой медленно потянулась к кобуре. Он посмотрел в ту сторону и увидел чью-то макушку, торчавшую за небольшим скоплением кристаллов.

— Кто там? Выходи! И без фокусов. — Рейнор слез с байка и присел за ним, держа наготове оружие и ожидая ответа. Его, однако, не последовало, и тогда он медленно поднялся.

— Шериф, вы чего? Спрячьтесь! — Родни снова занервничал. Рейнор медленно убрал револьвер в кобуру.

— Я не причиню вам вреда! — крикнул он.

— Уходите! — раздался из укрытия женский голос. — Не трогайте меня!

— Мэм, я шериф. Не надо прятаться. Выходите.

— Ага, шериф, черта с два. Уходите!

— Я правда шериф, мэм. Вот мой значок, — Рейнор медленно поднял руки над головой.

— Видите, я не собираюсь причинить вам вреда. Что у вас случилось?

Из-за каменной гряды медленно вышла худощавая женщина в сером климат-костюме.

Лицо ее было черным от гари. Она направила на Джима сигнальную ракетницу, но руки у нее дрожали. Она явно была не в себе.

— Я же сказала — уходите.

— Опустите-ка ракетницу, мэм. Только себя покалечите. Лучше расскажите, что случилось.

Я хочу помочь. — Миротворительный тон Рейнора успокоил ее, и она уже начала опускать оружие...

— Убери пушку, овца! — заорал Костлявый из-за решетки, и женщина тут же снова направила на Рейнора ракетницу.

— А ты заткнись! — рявкнул в ответ Рейнор и снова повернулся к женщине. — Меня зовут Джим Рейнор. Я шериф Конфедерации, этапирую заключенных. Не обращайтесь на них внимания. Просто расскажите мне, что здесь произошло.

Женщина снова опустила ракетницу.

— Ужасно... Господи, как же это все ужасно. — Она зашлась рыданиями. Рейнор двинулся к ней.

— Все хорошо. Теперь вы в безопасности. Сейчас вам ничего не угрожает. Успокойтесь и расскажите, что случилось.

— Работоторговцы. Банда Мажора. Мы проводили исследования в поле. Они выследили нас. Взорвали транспорт. Никого в живых не оставили. Я успела спрятаться, меня не нашли. Они узнали, где наш лагерь. Они... Они двинулись к нашему базовому лагерю! Там наши семьи, дети! Шериф, умоляю, остановите их!

— Успокойтесь. Мы вас здесь не оставим.

— Еще как оставим! — снова напомнил о себе Костлявый.

Рейнор сделал в ее сторону еще один шаг.

— Не обращайтесь на них внимания. Вы в безопасности. Расслабьтесь.

Женщина подошла ближе.

— Черта с два я в безопасности. Мы теперь все в опасности. Они уже убили моих сотрудников. Прошу вас, не дайте им убить и всех остальных... В лагере наши дети!

— А детей-то вы зачем сюда потащили?

— Мы... Мы все приехали с семьями. Нам и в страшном сне не могло присниться, что произойдет такое.

— Ох-ох-ох... Вот же вас угораздило... Ну и что мне теперь с вами делать?

— Дайте мне оружие. Я спрячусь. Координаты базового лагеря я вам дам. Спасите их. Хотя бы помогите им уйти. Прошу вас. Иначе их ждет ужасная участь. Мажор... Он способен на самые ужасные гнусности. Вам ли не знать...

Рейнор вздохнул. Проще всего было вызвать подкрепление. Взвод морпехов превратил бы Мажора и его головорезов в кровавую кашу. А он бы спокойно вернулся домой, к Лидди...

— Шериф, давайте-ка сматываться отсюда, а? Ну правда! — это подал голос Родни.

Но Джим уже принял решение. Собственно говоря, у него не было выбора. С тех самых пор как он покончил со старым и перебрался на Мар-Сару, чтобы начать новую жизнь, он постоянно ощущал в себе стремление искупить свою вину за прошлое, о котором искренне сожалел. Он верил, что если будет поступать правильно, то заслужит прощение былых грехов. И он знал, как в этой ситуации поступить правильно, хоть это и сулило целый ворох проблем. Рейнор открыл багажник «Стервятника», достал оттуда винтовку, маскхалат — полностью укрыть своего обладателя от чужих глаз он не мог, но это было все-таки лучше, чем ничего — и несколько сухих пайков, оставшихся от вчерашнего ужина. Все это он вручил исследовательнице.

— Вот, держите. Найдите себе укрытие и не высовывайтесь. Если что — надеюсь, вы умеете стрелять.

— Да ты что, совсем сбрендил? — заорал Костлявый. — Они же нас всех в рабство продадут! Ты в своем уме?

— Мы ведь даже не знаем, сколько их.

— Вот так вот герои и отправляются на тот свет, Рейнор. А от мертвого героя толку немного.

Но Джим уже оседлал свой «Стервятник».

— Я вернусь за вами, мэ. Обещаю, — сказал он и нажал на газ.

Навигатор вел его по введенным координатам вглубь каньона Правосудия. Чем меньше оставалось до цели, тем тревожнее становилось у Джима на душе. В голове у него звучал мелодичный голос Лидди, провожавшей его на задание: *«Береги себя, дорогой. И возвращайся поскорее!»*

Рейнор остановил байк у вершины утеса, слез с него, ползком подобрался к самому краю и достал бинокль — первым делом надо было разведать обстановку. Бинокль был «умным» и сам умел наводиться по заданным координатам. Поймав на горизонте нужную точку, он сфокусировался на ней и дал 100-кратное приближение. Теперь база была видна как на ладони: стандартное здание; на крыше сканер, вокруг несколько

хранилищ. Народу никого. Рейнор сместил точку обзора немного вправо, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки того, что обитатели базы пока в безопасности (или уже нет). И тут он увидел несколько составленных вместе тюнингованных «Стервятников», выкрашенных в черный цвет. У некоторых к сиденьям были приторочены черепа. А к одному прицеплен модифицированный тюремный блок. В нем Рейнор разглядел двух обессиленных пленников. Издали было не разобрать, мужчины это или женщины. Несчастные выглядели настолько изможденными, что, казалось, кости вот-вот прорвут кожу. Видимо, их там держали уже давно. Это были не ученые. Кому-то тоже не повезло.

«Черт».

— Ну что, там, шериф? — нетерпеливо спросил Костлявый.

— Рот закрой. Хочешь, чтобы нас засекли? — осадил его Рейнор.

— Значит, они там. Они уже там. О, господи... — снова заныл Родни.

Рейнор продолжал изучать обстановку. Где же сами бандиты? Где дети? Тут он заметил группу из мужчин и женщин, которые брели куда-то с поднятыми руками. Конвоировал их какой-то мужик явно бандитского вида; на голове ярко-рыжий ирокез, одет в черные штаны и кожанку на голое тело, все расписанное татуировками. Его шею украшал шипастый ошейник, а в нос было продето кольцо. У Рейнора внутри словно все сжалось. Банда Мажора, никаких сомнений.

Клоун с ирокезом, разумеется, был не один. Рейнор насчитал их в общей сложности не меньше десятка. Все при оружии. Детей бандиты разлучили с родителями и держали отдельной группой.

— Ну мы и влипли, — пробормотал Рейнор. Справиться с ними в одиночку нечего было и думать — а до трассы, по которой обычно перевозили заключенных, было больше полутора километра. В этой дыре искать их никто не будет, это очевидно. Он снова посмотрел в бинокль. Вот откуда-то притащили еще одного парнишку и толкнули к остальным — теперь их стало четверо. А затем Рейнор увидел знакомое лицо — знакомое по объявлениям в розыск и межпланетным полицейским коммюнике. Это был сам Мажор. Крепко сложенный, лысый, с белоснежной бородой и кибернетическим имплантом вместо одного глаза — спутать его было невозможно ни с кем.

«Пропади все пропадом». В голове Рейнора беспорядочно мелькали мысли, но все в итоге сводилось к одному. У него самого скоро родится сын. И он придет в мир, в котором хозяйничают такие мерзавцы, как Мажор...

— Они там? — спросил Мардук.

— Да.

— О нет. Нет... Нет! — начал истерить Родни.

— Что собираешься делать, шериф? — поинтересовался Костлявый. — Вызовешь подкрепление, когда мы покинем перевал? Или как?

— Шериф, гляди-ка! — это уже был Мардук. Рейнор быстро опустил бинокль и взглянул в направлении, куда указывал Мардук. По ущелью ехал один из разведчиков банды Мажора. Он посмотрел в их сторону, и Рейнор увидел, как блеснуло солнце на стеклах его очков.

«Черт». Джим кинулся к «Стервятнику» и стал остервенело крутить ручки радиопередатчика. «Надо заглушить этого ублюдка. Давай же, давай... Есть!» Передатчик перешел в режим генератора белого шума. Теперь разведчик по крайней мере не мог поднять тревогу. Рейнор достал из багажника байка винтовку и подошел к краю утеса.

В оптический прицел «Стервятника» бандит был виден отлично, но с каждой секундой удалялся все дальше. Другого выхода не было. Рейнор сделал глубокий вдох, прицелился и решительно нажал на спуск.

Грохнул выстрел. Разведчик вылетел из седла и, перекувырнувшись, распластался на земле. Это был отличный выстрел. Тайкус бы в свое время точно обзавидовался. Даже у Рика Кидда, штатного снайпера батальона, в котором служил Рейнор, и то вряд ли вышло бы лучше. Оставалась только одна проблема. *Если разведчик не вернется в срок, они отправятся его искать.* И это осложняло и без того непростую ситуацию. Теперь нужно было действовать — и действовать быстро. «Итак, что мы имеем? — рассуждал Рейнор. —

Убитый разведчик, банда работорговцев, захвативших детей и собирающихся убить их родителей, и трое заключенных в тюремном блоке». Он один не мог сделать ни-че-го.

Рейнор двинулся к блоку и первым делом обратился к Мардуку.

— С пулеви́ком обращаться умеешь?

— А чего там уметь? — ответил тот с легкой усмешкой.

— Ну а ты, болтун? С игольником или пулеви́ком справишься? — взгляд Рейнора остановился на Костлявом.

— Сам-то как думаешь?

— Родни, ты хоть раз в жизни держал в руках оружие?

— Я... Ну...

— Он тяжелее ручки никогда ничего в руках не держал, — влез Костлявый.

— Да... Я... Я умею стрелять, — уже решительнее ответил Родни.

Рейнор повернулся в сторону каньона. Оттуда повеяло ветерком. Жара на секунду отступила. В памяти Рейнора пронеслись воспоминания о былых деньках на Шайло... Он снова заглянул в тюремный блок.

— Значит, такое предложение. Смотрите. Там в лагере добрый десяток вооруженных до зубов бандитов. Детей они наверняка собираются продать в рабство, а что они сделают с их родителями — одному богу известно. Скоро они начнут искать своего разведчика, который уже должен был вернуться... Боюсь, что я один разрулить эту ситуацию не смогу — их слишком много.

— Десять на одного — да, многовато, — перебил его Костлявый. — Ты прав, тебе точно ничего не светит.

— Это если я буду один. Но есть еще трое вас, а у меня в багажнике целый арсенал. Паучьи мины, куча пушек — всем хватит.

— Шериф, а ты уверен, что раздать оружие трем уголовникам — разумная мысль?

— Не самая умная, Смоллс, не спорю. Но у меня по-прежнему остается пуль управления вашими браслетами. Так что если станете фокусничать — будет больно. Можешь Мардука спросить. А то и вообще без ног останетесь. Так что все это не так и глупо, как кажется на первый взгляд.

— Ясно. Ну тогда объясни, с какой радости мы должны тебе помогать, — спокойно продолжил Смоллс, подойдя ближе к решетке.

— Я замолвлю за вас словечко в Эль Индио. Будете на хорошем счету у начальника тюрьмы, если поможете шерифу Конфедерации в трудной ситуации.

— Тех, кто у начальства на особом счету, сокамерники ох как не любят, — фыркнул Мардук. — Оно нам надо?

Рейнор прекрасно понимал, что он прав. Этим их не купить. Но что же он может им предложить? Он задумался и попытался поставить себя на их место. Собственно, он в свое время уже был на их месте. Преступная жизнь поначалу даже казалась романтической, но потом все как-то сразу стало выходить из-под контроля, и опьянение свободой все чаще сменялось горьким сожалением. Ему повезло. Судья с Мар-Сары, с которым они были знакомы с детства, сумел увидеть в нем стремление к исправлению. Он подарил ему надежду и сделал предложение, которое изменило всю его жизнь. Рейнор завязал с криминалом и стал шерифом.

— Ну ладно, здоровяк. — Рейнор наклонился к решетке. Время играло против него. Действовать нужно было как можно быстрее. — Ты когда-нибудь задумывался о том, чтобы стать на путь исправления?

— Типа как ты, что ли? — перебил его Костлявый. — Ты имеешь в виду шанс начать с чистого листа? Отпущение грехов?

— Именно... Вы поможете мне спасти этих людей. Я потом скажу тюремному начальству, что на нас по дороге напали бандиты, вас взяли в плен, а я чудом ушел.

— Я тебя правильно понял? — Мардук подошел ближе. — Если мы тебе поможем, ты нас отпустишь?

— По-моему, это будет вполне справедливо. Мне в свое время дали шанс, а вы теперь получите свой.

— Ты реально выпустишь на волю этого убийцу? — процедил Костлявый, с презрением глядя на Мардука. — Ты знаешь, что он натворил за свою жизнь?

— А я согласен, — вмешался Родни. — А чего терять-то? Мне дадут шанс избежать тюрьмы? Не сидеть в Эль Индио? Где подписаться?

— Чего терять? Да... пожалуй, нечего. Хорошо, ладно. По рукам, — улыбнулся Костлявый.

— Ну а ты что скажешь, здоровяк?

Мардук насупился.

— То есть ты хочешь, чтобы я тебе вот взял и поверил?

— Именно так.

— А с чего бы?

— Потому что единственное настоящее, что у мужика есть в этой жизни — это его слово. И свое слово я тебе даю. — Рейнор пристально посмотрел убийце в глаза. — Если я говорю, что ты можешь мне верить, значит, так оно и есть.

— Знал бы ты, сколько раз я это уже слышал, Рейнор. Сколько людей давали мне слово... Хоть бы одна гнида его сдержала... Тогда бы моя жизнь сложилась совсем иначе. Я доверился одному человеку — из-за него мои старики раньше времени отправились в могилу. Доверился другому — он подсадил меня на наркоту. Доверился третьему — он привел меня в шайку уголовников и убийц. Вот до чего меня довела моя вера в людей, шериф. Хотел бы я пожить в мире, где честное слово хоть что-то значит...

— Свое слово я тебе дал, — упрямо повторил Рейнор. — Ты хочешь начать жизнь сначала?

— Я — пропавший человек. Таким, как я, жизнь второго шанса не дает.

— В свое время и я так же думал, — ответил Рейнор. — Я уже не знаю, как еще тебе предложить этот твой шанс. Вопрос в том, хочешь ли ты воспользоваться им или нет.

Мардук склонил голову и задумался. Он взвешивал все «за» и «против». Наконец он созрел.

— Хорошо, Рейнор — я поверю тебе на слово. Если ты меня кинешь, вряд ли меня это сильно шокирует, но... А, к черту. По рукам. Всегда ненавидел работорговцев.

— Ну тогда за дело, ребята. Работорговцы сами себя не перестреляют. — Рейнор нажал на своем браслете две кнопки, и голубоватое свечение вокруг прутьев решетки исчезло.

Затем он нажал другую, и решетка поднялась. Рейнор открыл багажник «Стервятника» и принялся доставать оттуда оружие. Игольник, пулевик, винтовка Гаусса. Под ними лежал ящик с паучьими минами.

— Ну не красота ли? — ухмыльнулся Костлявый. — Я беру большую. Гаусса.

— Не, чувак. Это мне, — Мардук решительно шагнул вперед и заграбастал винтовку Гаусса.

— У меня есть план, — сообщил Рейнор.

Четверо мужчин мелкими перебежками бесшумно подкрадывались к южному хранилищу. Около него два головореза Мажора рылись в контейнерах, выискивая что-нибудь, что можно продать подороже, и бросая на землю все, что считали недостойным

своего внимания. Вид у них был сильно затрапезный — неопрятная одежда, крашенные волосы, серьги в ушах. С расческой и бритвой, судя по всему, они вообще были незнакомы.

Рейнор и его напарники инстинктивно прижались к стене хранилища. Джим махнул рукой, и Мардук с Костлявым скрылись за углом. Рейнор и Родни двинулись дальше. Прежде чем Родни успел сообразить, что вообще происходит, Рейнор уже рванул вперед, высоко занеся приклад винтовки для удара. Бандиты не ожидали нападения и среагировать не успели. Удар приклада пришелся одному из них прямо в бровь. Раздался громкий хруст, чем-то напоминающий шум работы гидравлического отбойника.

Бандит рухнул как подкошенный; из расколотого черепа фонтаном забила кровь. Второй все же сориентировался, выхватил пистолет и наставил его на Родни, который только что подоспел. Но выстрелить он не успел — из-за угла как раз выскочил Мардук и одной рукой обхватил его за шею, а другой зажал рот.

— Надо их убрать отсюда. — Рейнор отволоч первого бандита за ноги к дальней стене хранилища — там тело если и обнаружили бы, то не сразу. Мардук тащил второго. Тот отчаянно пытался вырваться, но гигант держал его мертвой хваткой. Зайдя за здание, Мардук отпустил головореза и тут же со всей дури двинул ему в челюсть. Тот упал и закашлялся, плюясь кровью. Рейнор присел рядом с ним и приподнял его голову за подбородок.

— Куда отвели детей и остальных?

Голова бандита покачивалась из стороны в сторону, словно маятник. И тут он осклабился, обнажив черные окровавленные зубы.

— А, шериф Конфедерации. Вот уж не думали, не гадали. За тебя мы выручим еще больше, чем за этот сброд.

ХРЯСЬ! Бандит снова получил по зубам — на этот раз уже от Рейнора. Шерифу не раз приходилось обламывать наглых преступников, и он с ними особо не церемонился. Рейнор поднял винтовку и приставил ее к виску негодяя.

— Эта малышка абсолютно бесшумна. Ты же понимаешь, что я имею полное право пристрелить тебя, как собаку, и мне никто слова не скажет?

— Да мне плевать. Детей все равно продадут с торгов, а их предки скоро сыграют в ящик.

— Я смотрю, ученые нынче не в цене, — заметил Костлявый, с отвращением сплюнув.

— Эта твоя шестерка в теме, я смотрю, — огрызнулся работороговец. — Затем он повернулся к Родни и улыбнулся во весь рот. — А этот, как я погляжу, ваше слабое звено.

Он с необыкновенной прытью вскочил на ноги и кинулся к Родни, чтобы выхватить у него из рук оружие. Но Мардук оказался расторопнее. Пуля пробила бандиту голову до того, как тот успел что-то сделать.

— Черт! Наверняка они слышали выстрел, — забеспокоился Родни.

— Тогда пора действовать. Мардук, вы со Смоллсом вытаскиваете детей. Идите по следам на восток. Они еще должны быть в лагере. Родни, ты со мной. Нужно спасти ученых, пока их не прикончили! И да, ребята — сигнал браслетов бьет далеко, если что.

— Не доверяешь ты нам, командир, — мрачно усмехнулся Костлявый и повернулся к Мардуку. — Пошли, горилла. Пора детишек спасать.

Джим и Родни, стараясь все время держаться в тени хранилищ, медленно пробирались к другому концу лагеря. Они шли по цепочке следов, оставленных жертвами и их конвоирами. Впереди был командный центр — оттуда до них уже доносились неразборчивые голоса. Значит, уже близко. Они укрылись у стены в тени большой тарелки радара и стали внимательно осматриваться по сторонам.

— Ох ты ж, — пробормотал Рейнор и, схватив Родни за рубашку, вместе с ним повалился на землю. — Не высовывайся, а то нас засекут. Они... они их заставляют рыть себе могилу.

Зрелище было удручающее. Шестеро ученых медленно рыли братскую могилу, в которую им вот-вот предстояло лечь. Неподалеку в луже крови лежал седьмой, убитый выстрелом в затылок. Мажор и три его шестерки стояли рядом и наблюдали.

Рейнор снял с плеча сумку с паучьими минами и положил ее на землю. — Значит, так. Расставляем мины, потом устраиваем переполох. Когда эти ублюдки прибегут сюда, по моему сигналу нажимаешь кнопку. Ясно?

Дальнейшее стало для Рейнора полной неожиданностью.

Не успел он повернуться к Родни, как получил сильнейший удар прикладом в лицо и упал. Он захотел осмотреться, но не мог открыть глаза. Отказали, похоже, и уши. Единственный звук, который он слышал, — это гудящий звон в своей голове. Что это было? Его застали врасплох? Мажор оказался не так уж прост и оставил рядом наблюдателя? Наконец невероятным усилием воли Рейнор заставил себя разлепить веки.

Над ним нависал Родни, уже прихвативший с собой сумку с минами.

— За них дадут хорошую цену. — Родни сверху вниз глянул на поверженного шерифа — тот смотрел на него и пытался поднять руку, словно хотел за что-то схватиться. — Дурак ты, шериф, — прошептал он. — Люди не меняются, что бы ты там ни говорил. Я как был преступником, так им и остался! — С этими словами Родни со всей силы пнул его ногой в лицо. Рейнор потерял сознание.

Мардук с Костлявым шли по следам за хранилищами. Следы вели к стоянке байков Мажоровой банды у ветряков. Когда до них стали доноситься голоса, они залегли и дальше двинулись ползком. Мардуку это было не впервой. За свою жизнь он не раз подкрадывался к ничего не подозревающим жертвам, чтобы внезапно оборвать их жизнь. Убивал он по-всякому: обычно стрелял, иногда приходилось пускать в ход нож, в особых случаях — душить голыми руками. Этот способ нравился ему меньше всего. Душить человека долго и мучительно, потому что в этом случае нужно обязательно удостовериться в том, что несчастный мертв.

Поначалу каждое убийство терзало его. Лица убитых посещали его в ночных кошмарах или напоминали о себе, когда он оставался в одиночестве. Но потом и это ушло. Убивая, он больше не чувствовал ни жалости, ни раскаяния, ни сомнений. И вот это в определенном смысле было куда ужаснее всех ночных кошмаров вместе взятых. Он устал от этого. От необходимости постоянно прятаться и убивать. Срок, который ему предстояло мотать в Эль Индио, он воспринял чуть ли не как избавление. Тем более что все подельники отвернулись от него. Они знали, что ему труба, и не парились.

«Но что, если... — думал он. Что, если еще можно начать все сначала?» Если все его бывшие дружки решат, что он умер в тюрьме или погиб в пути? Тогда, быть может, в предложении Рейнора действительно что-то было, и даже такому пропащему человеку, как он, все-таки может выпасть шанс... Но сначала дело. Когда-нибудь он перестанет

убивать — но не сегодня. По крайней мере те, кого он должен убить сегодня, полностью этого заслуживали. И они свое получают сполна.

Мардук и Костлявый почти вплотную подползли к ветрякам, пропеллеры которых вращались медленно, словно нехотя, стараясь уловить хоть малейшее дуновение пустынного ветра. Бандиты готовились посадить детей в отдельный тюремный блок. Это была старая модель, и эксплуатировалась она, судя по ржавой решетке, давно и активно. Дети явно были в шоковом состоянии; на их лицах читались страх и тревога.

Тут пропеллер ветряка скрипнул особенно громко. Мардук повернулся к Смоллсу и громко скомандовал:

— Давай!

Выскочив из укрытия, он рванул прямо на бандитов, стреляя на ходу. Пронзительный свист, казалось, разорвет барабанные перепонки. Выпущенные из винтовки иглы рвали в клочья живую плоть и дробили кости. Костлявый не отставал, и пулевик в его руках был не менее грозным оружием. Дети заметались и закричали; одни легли на землю, другие попытались спрятаться за блоком. У бандитов не было ни единого шанса. Мардук был профессионалом; к тому же ему на руку играл эффект внезапности. Все закончилось в один миг — при современных военных технологиях иначе и не бывает. Когда тебя нашпиговывают стальными иглами, летящими со сверхзвуковой скоростью, шансов

выжить нет. Никакой бронжилет не спасет, особенно если противник точно знает, куда надо целиться.

Мардук окинул взглядом побоище. Затем он поискал взглядом детей, которые попрятались, где только можно — за байками, за блоком. На глазах многих были слезы — слезы облечения, но вместе с тем и страха. Кто эти люди? Они пришли спасти их или похитить? Мардук это понимал. Он видел, что дети до смерти перепуганы и до сих пор не понимают, что произошло.

— Не бойтесь, не бойтесь. Мы не кусаемся... хотя если вам это нравится... — Костлявый похотливо смотрел на миловидную белокурую девчущку лет шестнадцати на вид.

— Закрой свой поганый рот, Смоллс. Вякнешь еще что-нибудь — я тебе язык вырву, — Мардук одарил Костлявого ледяным уничтожающим взглядом и повернулся к детям. — Все в порядке. Не бойтесь. Больше вам ничто не угрожает. — С учетом того, что здесь произошло всего несколько минут назад, поверить в это было, наверное, непросто.

— Да я просто пошутил, братюнь. Я их и пальцем не трону. Ну, может, разве вот эту, симпатичную...

Мардук схватил его за горло и оторвал от земли.

— Я же тебе сказал — закрой свой поганый рот. Ты что, не понял?

Костлявый выронил пулевик и попытался ослабить хватку Сола, но тщетно.

— Понял, — прохрипел он. — Пусти...

— Ребята, ребята! Прекратите! Вы чего?

Мардук обернулся и увидел Родни с браслетом Рейнора от их кандалов.

— Пусти его, — продолжал Родни. — Все. Мы свободны. Пора валить отсюда.

Мардук опустил Смоллса на землю.

— А где шериф?

Родни усмехнулся.

— Шериф оказался слишком доверчив. — Он нажал на браслете кнопку, и кандалы на ногах всех троих раскрылись и упали на землю. — Тебе-то не все ли равно? Ты что, правда думаешь, что он бы нас отпустил? Как же, держи карман шире. А теперь мы сами себе хозяева. У нас есть байки. Есть даже смарт-карты убитых ученых. Уходим, пока эти уроды своих не хватились!

Костлявый расхохотался. Ну наконец-то! Вот она, долгожданная свобода! Никакого Эль Индио — и никакого риска!

— *Шериф оказался слишком доверчив.* Нет, ну кто бы мог подумать? Молодец, парень.

А я еще думал, что ты просто никчемный слизняк.

— Он жив? — спросил Мардук.

— Кто? — не понял Родни.

— Шериф.

— Ну наверное... Не знаю. Вообще-то врезал-то я ему неслабо. — Родни пошел к байкам.

Дети, снова почуяв опасность, сбились в кучку возле блока.

— Мне вот эта малышка приглянулась. Как она тебе, Родни? — Костлявый снова плотоядно посмотрел на юную блондинку. Она инстинктивно отшатнулась и схватилась за прут решетки, словно пытаясь спрятаться за ним.

Мардук смотрел на своих товарищей, таких же преступников, как и он сам, людей с темным прошлым, без чести и совести. Других он за свою жизнь и не встречал. И тут он ясно услышал голос Рейнора в своей голове: *«Единственное настоящее, что у мужика есть в этой жизни, — это его слово. И свое слово я тебе даю».*

— Костлявый! — окликнул он его.

Смоллс повернулся к Мардуку, и тот со всей силы двинул его кулаком в челюсть.

Костлявый рухнул как подкошенный.

— Ты что, совсем... — закончить фразу Родни не успел. Удар Мардука пришелся ему точно в переносицу, и хлюпик моментально вырубился.

Дети наблюдали за этой сценой в полной растерянности. За последний час они видели столько насилия, что хватило бы с лихвой на целую жизнь. И они решительно ничего не понимали.

— О, кто это к нам пожаловал. Сам шериф Конфедерации, собственной персоной, — Мажор сверху вниз смотрел на Рейнора, обнажив в садистской ухмылке золотые зубы. Его кибернетический глаз тихо жужжал, наводя резкость.

Рейнор медленно открыл глаза. Веки разлепились не сразу из-за спекшейся крови. Все лицо у него жутко болело, голова просто раскалывалась. Ощущение было такое, будто в мозгу перекачивается свинцовый шар. Через кровавую пелену, застилавшую глаза, он не мог разобрать, что за человек навис над ним. Наконец ясность восприятия постепенно вернулась.

— Мажор, — выдохнул Рейнор.

Главарь обернулся к двум своим подчиненным, и его золотые зубы сверкнули в солнечном свете.

— Смотрите-ка, парни, он меня знает. Я знаменит!

— Как работорговец, если только, — прохрипел Рейнор. Он откашлялся, сплевывая кровь.

— Да хоть бы и так. Как будто это что-то плохое. Ладно, вставай давай. — Мажор ткнул Рейнора в лицо стволом пулевика.

Джим взглянул на него. Значит, все скоро кончится, и он отлично знал — как. И виной всему его глупая мысль, что он каким-то образом сможет стать лучше, чем был, и тем самым искупит былые прегрешения. Его чувство вины в итоге все же сыграло с ним злую шутку. Чувство вины, желание оправдаться перед собой в своих же глазах и вера в то, что не все еще потеряно и для других. Мальчишество. Детская наивность. И теперь настал час расплаты. Хуже всего было то, что за его душевную слабость теперь придется расплачиваться и Лидди, и их будущему сыну.

— Кретин, — Рейнор с усилием поднялся на ноги. Его шатало, но он старался стоять прямо, чтобы смотреть Мажору прямо в глаза. Он не собирался молить о пощаде, и если уж смерть пришла за ним, он встретит ее стоя, а не на коленях. Раз не получилось прожить достойную жизнь, значит, хотя бы умереть нужно достойно.

Мажор поймал его взгляд; сервоприводы его кибернетического глаза снова тихо зажужжали.

— Хочу показать тебе кое-что. Обернись-ка.

— Нет, — ответил Рейнор.

— Нет?

— Смотри мне в глаза, когда будешь стрелять.

Мажор пристальнее посмотрел на него. Если бы взгляды убивали, Рейнор уже был бы мертв. На секунду Мажор, казалось, расслабился и ухмыльнулся, снова показав золотые коронки и прогнившие пеньки зубов. Но уже через мгновение улыбка сошла с его лица, сменившись выражением ярости и ненависти. Ствол пулевика больно ткнул Рейнора в живот, и тот упал на колени, отхаркивая кровавые сгустки.

Сквозь туман в голове Рейнор слышал хохот бандитов. Казалось, его сейчас вывернет наизнанку. Оружие уперлось ему в лоб.

— Твоя служба на Мар-Саре подошла к концу, шериф.

Джим закрыл глаза. Перед ним в один миг словно пролетела вся его жизнь. Он вспомнил войну и свои похождения с Тайкусом. Оставалось надеяться, что с тех пор он все же успел

сделать достаточно. Что в конечном итоге его будут вспоминать как хорошего человека, а не как бывшего уголовника. И что Лидди будет рассказывать сыну об отце с теплом и любовью. Джим сделал глубокий вдох и приготовился умереть.

Знакомые звуки вернули его в реальность. Свист гауссовых пуль ни с чем не спутать. Он открыл глаза. Похоже, он все еще был жив. Мажор и двое его дружков лежали мертвыми. На шум сбежались остальные, и стальной ливень обрушился и на них. Рейнор принял единственно верное решение в такой ситуации. Он лег на землю, обхватив голову руками. Пули подняли целые столбы пыли, и он ничего не мог разглядеть. До его ушей доносились стоны умирающих и грохот стрельбы.

Когда все стихло, казалось, что уже прошла целая вечность. Пыль осела, и Рейнор обнаружил, что лежит прямо напротив Мажора и смотрит в его кибернетический глаз. Тот по-прежнему жил своей жизнью; сервоприводы мерно жужжали, но его обладателю все это было уже ни к чему. Рейнор подобрал пулевик и осторожно пополз вперед в поисках укрытия. Он не знал, кто устроил всю эту бойню; кроме того, были основания опасаться, что его невольный спаситель может принять его самого за врага.

— Шериф? — послышался голос. — Шериф, все чисто.

Этот голос был Рейнору хорошо знаком.

— Мардук? — прошептал он, затем переспросил еще раз, уже громче, — Сол, это ты?

— Я сдержал свое слово, шериф.

Теперь Рейнор мог разглядеть его — расплывчатый громоздкий силуэт на фоне неба, уже начавшего окрашиваться в причудливые краски заката. Джим попытался подняться на ноги, но резкая боль в животе скрутила его. Повсюду валялись мертвые тела, изуродованные до совершенной неузнаваемости. *«Да уж, необычный способ искупления»*, — подумал Джим. Он все же сумел встать, хотя ему стоило огромных трудов сохранять равновесие.

— И теперь остается один вопрос, — продолжал Мардук, протягивая Джиму винтовку Гаусса, — сдержишь ли свое слово ты?

Рейнор полностью осознал все, что произошло, только когда уже выезжал с Гиблого перевала. Он вернулся за той женщиной в каньон Правосудия и отвез ее в базовый лагерь. Вместе они похоронили убитых. Рейнор знал, что спасенные дети никогда не забудут этот день. Еще много лет по ночам их будут мучить кошмары. Но он также знал, что они навсегда запомнят и то, что сделал он — и Мардук, — и в глубине души надеялся, что они когда-нибудь задумаются о том, что произошло, и осознание того, что в мире есть еще люди, готовые бороться со злом, придаст им сил. Сканеры «Стервятника» снова ожили; радиоэфир наполнился привычным шумом машин и досужей болтовней местных

фермеров. До Эль Индио оставалось чуть больше трехсот километров. Совсем скоро он прибудет туда и сдаст свой груз.

Правда, придется объяснить начальнику тюрьмы, что вышла накладка. Забирал-то он троих, а сейчас в блоке оставалось только два узника: Костлявый Смоллс и Родни Осин. Мардук Сол, самый опасный из всех троих, убийца-рецидивист, погиб при налете банды Мажора. С бандой в итоге было покончено, а Сол вместе с остальными бандитами и группой ученых, захваченных Мажором, теперь покоится в братской могиле.

Примерно такую историю Рейнор собирался рассказать начальнику тюрьмы; осталось только продумать детали. На самом деле все обстояло несколько иначе. Рейнор сдержал слово и отпустил Мардука на волю. Теперь тот мог начать свою жизнь с чистого листа, окончательно порвав с прошлым, и стать тем, кем бы захотел.

Джим до сих пор не знал, правильно ли поступил. Он живо представлял себе Мардука, несущегося по Гиблому перевалу на байке навстречу закатному солнцу; из преступного прошлого — навстречу новому будущему. Джим подумал, действительно ли такое возможно на самом деле. И получилось ли это у него самого? Пока что он наверняка сказать не мог. Но точно знал: он очень хотел бы, чтобы это было так. Он возвращался к Лидди, к их будущему сыну; к жизни, которой он, как всегда считал, был недостоин. Судьба дала ему все это. И он был этому безумно рад.

КОНЕЦ